

ответствующим признакам [3]. Разность между затратами при самых неблагоприятных условиях и конкретных условиях данного ТМ будет равна величине дифференциальной ренты.

Величина минеральной ренты от разработки ТМ, складывающаяся из межвидовой дифференциальной ренты и двух составляющих дифференциальной ренты внутри одного вида полезного ископаемого, определяет верхнюю границу платы. Конкретный порядок определения ее величины может быть определен только на основе государственной концепции освоения недр.

Использование протекционистских мер при разработке ТМ, к числу которых, безусловно, следует отнести снижение величины платы по сравнению с максимально возможной, имеет ряд объективных предпосылок.

Плата за пользование недрами представляет собой один из методов управления использованием природных ресурсов, который в части использования сырья из отходов выполняет определенные социальные функции. Например, возможность сохра-

нения ограниченных запасов ценных полезных ископаемых геогенных месторождений (особенно цветных металлов, редких и рассеянных элементов), улучшение экологической обстановки в регионе и т.д.

Но этот вопрос не может быть решен однозначно в пользу льгот разработчика ТМ по следующей причине. Формирование ТМ, как правило, связано с усложнением технологии работ на геогенном месторождении. Возрастают также затраты на транспорт и селективное складирование горной массы. Себестоимость добычи возрастает, что противоречит экономическим интересам разработчиков геогенных месторождений. Поэтому, по мнению авторов, правомерна постановка вопроса о компенсации дополнительных затрат на геогенном месторождении за счет средств, полученных в качестве платы за разработку ТМ. Такой подход требует изъятия величины платы, максимально близкой к величине ренты, т.е. максимально возможной.

Поступила в редакцию 01.12.2006

Литература

1. Хелферт Э. Техника финансового анализа / Пер. с англ. Под ред. Л.П. Белых. М., 1996.
2. Кудин А. Экономический механизм регулирования природопользования // Экономист. 1992. № 5.
3. Подвиженский С.Н. и др. Рациональное использование природных ресурсов в горнопромышленном комплексе. М., 1988.

УДК 338.504

Р.А. Подгорная, Б.В. Робинсон

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНОВ

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Главные нефтедобывающие регионы России (прежде всего ХМАО и ЯНАО) в настоящее время сталкиваются с множеством сложных социальных проблем, важнейшими среди которых являются:

– поддержание высокого уровня занятости населения;

– достижение высокого (по меньшей мере, среднероссийского) уровня развития социальной инфраструктуры.

В условиях усиления конкуренции стратегия российских нефтегазовых компаний во все большей степени ориентируется на сокращение производственных издержек. Среди первоочередных и наиболее простых (по мнению компаний) путей экономии расходов рассматриваются сокращение численности персонала и реструктуризация, т.е.

выделение из состава корпораций непрофильных подразделений и предприятий. Стремление к сокращению затрат особенно усиливается в периоды падения мировых цен на энергоносители.

Другим препятствием для решения социальных проблем нефтегазовых территорий является трансфертное ценообразование в рамках ВИНК, которое ведет к «несправедливому» сужению налогооблагаемой базы и, следовательно, слишком медленному росту бюджетных расходов. В результате применения искусственно заниженных трансфертных цен происходит «увод» рентных расходов из добывающих регионов и использование в интересах Федерации, регионов-импортеров нефти и газа, а также крупных финансовых центров (российских и зарубежных).

Сложившаяся ситуация во многом обусловлена действующей в России налоговой системой, которая, с одной стороны, плохо адаптирована к интересам и проблемам сырьевых территорий, а с другой – не способна адекватно реагировать на изменение эффективности нефтегазовых операций (цена на углеводороды, условий добычи и разработки месторождений и пр.).

Проблема занятости населения на сегодняшний день является, пожалуй, главной и самой трудно-разрешимой социальной проблемой нефтегазодобывающих территорий. Многие бывшие вахтовые поселки нефтяников и газовиков, основанные 20–30 лет назад, за прошедшие годы выросли в крупные и средние города, которые за редким исключением так и остались монопрофильными поселениями – никаких других отраслей, кроме нефтегазовой, в них не развивалось и не развивается. Еще более тяжелая ситуация сложилась в небольших населенных пунктах (рабочих поселках), где добывающее предприятие или геологоразведочная партия является, как правило, вообще единственным работодателем.

Поэтому уровень безработицы (отношение численности безработных к экономически активному населению) в северных нефтегазовых регионах неоправданно высок. Например, среди сибирских регионов – субъектов Федерации, входящих в Межрегиональную ассоциацию «Сибирское соглашение», едва ли не самые высокие уровни безработицы имеют место в ХМАО – 3.4 %, ЯНАО – 2.7 и Томской области – 3 [1].

Наряду с регистрируемой существует и скрытая безработица, принимающая самые различные формы. Одними из наиболее типичных форм скрытой безработицы являются отпуска по инициативе администрации предприятий и работа в режиме неполного рабочего дня. По действующим правилам учета к числу занятых в экономике относятся те граждане, которые работают в личных подсобных хозяйствах аграрного типа. Однако подобная занятость очень часто является вынужденной из-за отсутствия другой работы. И, наконец, официальная статистика совершенно не учитывает фиктивную занятость населения, когда граждане формально трудоустроены, но в действительности не работают.

Без всякого преувеличения можно сказать, что безработица стала настоящим бичом для коренного населения северных территорий. Развитие нефтегазовой промышленности во многих случаях привело к серьезным нарушениям в природной среде и традиционном укладе жизни малочисленных северных народов. Будучи лишены естественных условий для ведения хозяйства (оленоводства, охоты, рыбного промысла, национальных ремесел), аборигены с большим трудом адаптируются к «циви-

лизованному» городскому образу жизни, привнесенному пришлым населением.

Таким образом, проблема занятости населения в северных нефтегазовых регионах имеет двоякую окраску. С одной стороны, в результате бурного освоения ресурсов нефти и газа в советские годы, обусловившего высокий уровень миграции, северные территории оказались перенаселенными, что со всей очевидностью дает о себе знать на поздних стадиях добычи углеводородов. С другой стороны, специфическая проблема – безработица среди коренного населения, решение которой требует особых подходов.

Многочисленные проблемы, связанные с избыточностью населения и неблагоприятными условиями жизни, порождает у жителей Севера (бывших мигрантов и их потомков) стремление к переезду в другие регионы. Идея массового переселения поддерживается федеральными и региональными властями, принявшими соответствующие целевые программы.

Вместе с тем решение задачи переселения жителей из регионов Крайнего Севера нельзя увязывать только со строительством или приобретением жилья в других регионах. Существует ряд факторов, которые характеризуют будущее место проживания, значимых для потенциальных переселенцев и особенно людей, находящихся в трудоспособном возрасте. Прежде всего к числу таких факторов следует отнести:

- возможность получения привлекательной работы, с чем связаны основные ожидания, касающиеся прямых доходов и уровня жизни;
- степень обеспеченности всеми видами социально-бытовой инфраструктуры, включая образование, здравоохранение, сферу культуры и пр.;
- территориальное положение и природно-климатические условия.

Если государство и нефтегазовые компании не смогут найти эффективные способы решения проблемы занятости в регионах с падающей добычей, затраты на переселение (и переобучение) безработных и членов их семей составят огромные суммы, измеряемые десятками и сотнями миллиардов рублей. В настоящее время в федеральном и региональных бюджетах таких средств нет. Подтверждение этого – трудности с финансированием и реализацией уже принятых государственных программ переселения жителей из районов Крайнего Севера. Согласно опубликованным данным, расходы на переселение одного жителя из районов Крайнего Севера в среднем составляют в сегодняшних ценах около 1 млн р.

Проблема финансирования во многом определяет и текущие приоритеты региональной политики по вопросам занятости населения. В частности, в ХМАО важнейшая роль в реализации политики

занятости изначально отводилась территориальным фондам занятости населения (ФЗН), которые должны заниматься всей многоплановой деятельностью, связанной с профессиональной подготовкой (переподготовкой) и трудоустройством жителей округа.

В связи с ростом безработицы и недостаточным финансированием в деятельности ФЗН происходит смена приоритетов. Активная политика уступает место пассивной: деятельность служб занятости во все большей степени сводится к материальной поддержке безработных и предоставлению простейших услуг по подбору рабочего места. В настоящее время в структуре расходов ФЗН округа подавляющая доля (более 70 %) приходится на программы материальной поддержки безработных (прежде всего на выплату пособий по безработице). На финансирование всех программ активной политики занятости уходит весьма небольшая доля средств (14 %), расходуемых ФЗН. Указанные программы включают в себя и организацию профессионального обучения, и профориентацию, и выплату субсидий для организации рабочих мест, и поддержку предпринимательства [2].

Несмотря на ряд успехов, с большим трудом решается и проблема занятости коренных жителей Севера. В отличие от рассмотренной выше, она имеет не только финансовые аспекты. Например, из бюджета ХМАО и нефтяными компаниями аборигенам выплачиваются довольно крупные денежные компенсации. Власти округа совместно с предприятиями-недропользователями прилагают усилия по реализации программ развития здравоохранения и образования, обеспечения жильем и создания новых рабочих мест для коренных жителей. И хотя эти программы финансируются не в полной мере, на их осуществление расходуются значительные средства. К сожалению, принимаемые меры не всегда дают ожидаемый эффект.

Дело в том, что проблемы трудоустройства нельзя вырвать из контекста всего круга задач, связанных с созданием (а точнее говоря, воссозданием) благоприятных условий труда для жизнедеятельности аборигенного населения в соответствии с традиционным укладом. Для решения этих задач необходимо прежде всего сохранение естественной природной среды там, где она еще не тронута, и возрождение – там, где она нарушена в результате хозяйственной деятельности. Чтобы выполнить данное условие, потребуются существенно ограничить доступ для промышленных компаний во многие районы нового освоения, где расположены месторождения нефти и газа.

Одним из способов частичного решения проблем занятости населения в нефтяных регионах является передача малодебитных скважин независи-

мым и, как правило, небольшим компаниям с условием применения особого налогового режима. Крупным компаниям невыгодно содержать такие скважины, поскольку их эксплуатация в условиях обычного налогообложения убыточна. Неслучайно малодебитные скважины в большинстве своем либо уже бездействуют (законсервированы), либо запланированы к ликвидации.

Другой инструмент решения проблемы занятости связан с лицензионной политикой в сфере недропользования. Необходимо, чтобы перед началом сокращения кадров нефтегазовые компании разрабатывали и выполняли программы переподготовки и переобучения увольняемых работников, переселения высвобождаемых работников и их семей, создания новых (замещающих) рабочих мест в других отраслях местной экономики. Эти условия должны стать неотъемлемой частью лицензионных соглашений, дающих право на пользование недрами.

Не рассматривая весь спектр возможных подходов к решению проблемы занятости, хотелось бы, тем не менее, подчеркнуть, что их вероятная эффективность во многом связана с налоговыми аспектами. Совершенствование федерального и регионального законодательства по вопросам налогообложения в нефтегазовом секторе является одним из главных условий, необходимых для поддержания и роста уровня населения и его занятости в сырьевых регионах России.

Для крупнейших нефтегазовых территорий России характерны высокие номинальные показатели уровня жизни населения (среднедушевого денежного дохода). Это вполне объяснимо, поскольку, например, в ХМАО и ЯНАО величина средней заработной платы намного выше, чем в большинстве остальных регионов страны. Однако реальный уровень жизни населения определяется не только суммами прямых денежных доходов, но и рядом других факторов.

Среди них большое значение имеют состояние и динамика развития социальной сферы. Однако на протяжении уже многих лет и ХМАО, и ЯНАО относятся к числу тех регионов России, где уровень обеспеченности населения жильем и услугами социального характера (по охране здоровья, образованию, уходу за престарелыми и т.д.) ниже среднего по стране. Это отставание сложилось еще в советское время, когда государство больше беспокоилось о приростах добычи нефти и газа, нежели о строительстве жилья, больниц, школ, домов культуры и других объектов для тех людей, которые работали в нефтегазовой промышленности.

Помимо общего отставания в каждом из округов имеет место заметная межтерриториальная дифференциация показателей: жители нефте- и газодобывающих районов обеспечены социальным обслужи-

ванием, как правило, значительно лучше, чем население прочих территорий.

Наблюдается большой разрыв в уровне обеспеченности социальными услугами городского и сельского населения. Большинство объектов социальной сферы сконцентрировано в крупных и средних городах (и они часто неплохо выглядят на общероссийском фоне). Обеспеченность сельских жителей объектами и услугами социальной сферы значительно ниже, чем городских. О резкой дифференциации качественных и количественных параметров развития социальной сферы в городах и сельской местности, например медицинского обслуживания, свидетельствует значительный разрыв в уровнях показателя детской смертности: на селе он примерно в 1.5 раза выше, чем в городах [2].

Даже беглые сравнения позволяют сделать вывод о том, что в последние годы, несмотря на все предпринимаемые усилия, радикального перелома в динамике развития социальной сферы так и не произошло. Например, по уровню обеспеченности населения жильем отставание ХМАО и ЯНАО от среднероссийских показателей остается почти неизменным, медленно сокращается отставание по уровню обеспечения медицинскими услугами. Едва ли не единственный показатель, по которому нефтегазовые округа занимают лидирующие позиции в стране, – это показатель развития системы детских дошкольных учреждений.

Проблема дефицита жилья и социально-бытовых услуг усугубляется низким уровнем благоустройства городов и поселков. Так, в ЯНАО – главном газодобывающем регионе страны – газоснабжением охвачено только немногим более половины жилищного фонда. В ХМАО многие населенные пункты не электрифицированы, а значительная часть дорог не имеет твердого покрытия.

В северных нефтегазовых регионах весьма остро стоит и проблема социальной защищенности жителей, особенно неработающего населения, что обусловлено прежде всего резкой дифференциацией доходов различных групп населения.

Существует многократный разрыв в уровне денежных доходов между работниками профилирующих отраслей нефтегазового сектора и занятыми в других сферах экономики. Например, средняя заработная плата газовика в ЯНАО примерно в 9 раз превышает доход работника сферы образования. Столь же значительны различия в уровнях доходов работающего и неработающего населения. Так, в ХМАО величина среднемесячной заработной платы почти в 6 раз выше среднего размера пенсии (без компенсационных выплат). Положение пенсионеров, живущих в северных нефтегазовых регионах (в том же ХМАО), заметно хуже по сравнению с положением пенсионеров в других регионах страны.

Поступила в редакцию 14.12.2006

Литература

1. Крымов С.М. Социолого-экономические проблемы нефтегазового комплекса Томской области. Томск, 2003.
2. Крюков В.А. и др. Нефтегазовые территории: как распорядиться богатством. Новосибирск, 1995.

УДК 338.001

В.В. Сизов

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Томский государственный педагогический университет

Ведущей тенденцией современной инновационной экономической политики в России является создание эффективных форм научно-производственной кооперации и увеличение на этой основе доли наукоемкой конкурентоспособной продукции в общем объеме ее производства на уровне фирмы, региона и страны в целом. Развитые страны, успешно конкурирующие на мировом рынке товаров и услуг, имеют долю наукоемкой продукции в совокупном ее выпуске от 60 до 80 %. Россия существенно отстает в этом от стран развитого капита-

ла, имея долю наукоемкой высокотехнологичной продукции на мировом рынке в пределах 0.5 % [1, с. 27]. Наиболее высокими в мировой практике уровнями конкурентности обладают крупные межотраслевые объединения, представляющие собой кооперацию научных, технологических, венчурных и производственных структур. Эти структуры координируют вокруг себя большой круг наукоемких средних и малых предприятий, образуя единый воспроизводственный инновационный процесс от создания научной идеи, ее воплощения в опытные